

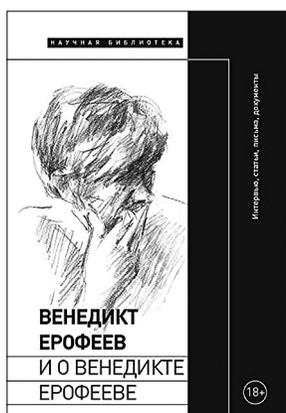
Александр Агапов, Олег Лекманов, Илья Симановский

Ерофеев глазами

DOI: 10.53953/08696365_2022_175_3_387

Венедикт Ерофеев и о Венедикте Ерофееве /
Сост. О. Лекманов, И. Симановский.

М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 616 с. — 1000 экз. —
(Научное приложение. Вып. ССXXX).

Редакция НЛО предложила мне написать рецензию на сборник о Венедикте Ерофееве, я же в ответ предложил подготовить интервью с его составителями — материалы этого жанра уже появлялись в новой рубрике журнала. Мне показалось важным, пусть коротко и в рамках заявленной темы, поговорить об изучении Ерофеева вообще, создав таким образом прецедент: насколько мне известно, это первая такая дискуссия в научном журнале. Разговор, проходивший в формате обмена электронными письмами, начался 23 февраля 2022 г., а возобновился по понятным причинам лишь несколько дней спустя. Эффект, возникший из-за этого разрыва, мне тоже показалось важным сохранить.

Александр Агапов: Дорогие коллеги, предлагаю начать с разговора о структуре сборника. Материалы в нем распределены по трем разделам. В первом разделе («Венедикт Ерофеев») помещены расшифровки нескольких интервью с писателем, а также расшифровка его беседы со слушателями на литературном вечере у Александра Кривомазова и автобиография, написанная Ерофеевым при поступлении в МГУ. Второй раздел («...и...») отдан переписке и еще одной архивной публикации — личного дела Ерофеева из Орехово-Зуевского педагогического института. Наконец, третий раздел («...о Венедикте Ерофееве») — это подборка разнообразных текстов о Ерофееве: от первых рецензий на «Москву — Петушки» в эмигрантской печати до недавних научных статей, в том числе написанных специально для сборника. Такое распределение материалов кажется не самым очевидным решением — можно было бы просто разделить книгу на две части, условные «Биографию» и «Творчество», или, наоборот, сделать чуть больше разделов: «Интервью», «Переписка» и т.д. Почему вы выбрали именно такую, трехчастную, структуру? Чему она служит? Что она должна сказать о сборнике или, может быть, о его герое — Венедикте Ерофееве?

Олег Лекманов: У нас изначально было много уже готового или потенциально готового материала для нового издания биографии Ерофеева (он был собран в пер-

вую очередь Илейей)¹. Кроме того, мы хотели представить в сборнике самые показательные работы о творчестве Ерофеева в целом и о «Москве — Петушках» в частности (это получилось не идеально из-за проблем с копирайтом). Плюс поместить там несколько новых работ. И когда мы составили примерное содержание сборника, все как-то само распределилось по трем разделам. И уже тогда пришла в наши головы идея, что мы пробуем показать читателю Ерофеева с разных сторон: вот элементы автопортрета, а вот он глазами близких людей, а вот филологи и писатели смотрят на него и его тексты с третьей стороны.

Илья Симаковский: Идея окончательной композиции принадлежит Олегу, я ее просто поддержал. Добавлю только, что мы начали обсуждать возможный состав и концепцию сборника еще осенью 2018 г. и с ходом времени все несколько раз менялось. Изначально была, например, мысль включить в сборник один из неопубликованных дневников Венедикта Ерофеева, сопровождаемый нашим комментарием. Эта идея не осуществилась по не зависевшим от нас причинам, однако потом я, выражаясь пафосно, поблагодарил судьбу, что мы почти сразу были вынуждены ее отвергнуть. Дело в том, что мы недооценили объем работы по комментарию и силы, которые надо было на это бросить (а предполагалось взять один из самых объемных дневников). Только когда мы взялись за комментирование писем, стало очевидно, что там нужно комментировать буквально каждую строчку, для чего проводить и библиографические, и биографические изыскания. Так что возмись мы еще и за это, не знаю, во-первых, успели бы уложиться в сроки, а во-вторых, дневник вместе с комментарием и по объему, и по смысловому весу дал бы сборнику сильный крен, который едва ли получилось бы уравновесить.

А.А.: Получается, что сборник о Ерофееве — это в известном смысле продолжение работы над биографией (и может быть, ее промежуточный итог, если учесть, что вы, насколько я знаю, готовите сильно расширенную версию «Постороннего»)? Почему это интересно: мне действительно видится некоторая связь между написанной вами биографией и сборником именно в подходе к организации материала. «Посторонний» имеет отчасти калейдоскопическую структуру: образ героя, Ерофеева, должен складываться на пересечении различных точек зрения, впечатлений людей его знавших, которые, как вы пишете в предисловии к книге, «и должны будут составить его целостный и меняющийся со временем портрет». Себе же вы отводите «роль отборщиков, тематических классификаторов, а также проверщиков всего этого материала на фактологическую точность». В предисловии же к сборнику вы, постулируя загадочность фигуры Ерофеева, ставите себе цель организовать материал так, чтобы «у читателя была возможность увидеть автора поэмы с разных сторон и в разной подсветке». Насколько справедливо такое сопоставление? И главное, что мне хотелось бы понять: что стоит за этим подходом? Это просто удобный способ организации сложного и разнородного материала или все-таки нечто большее? Можно ли это назвать исследовательским методом?

О.Л.: Я бы ответил вот как. Ерофеев сборника априори более загадочная фигура, чем Ерофеев в «Постороннем», и связано это отчасти с эволюцией наших взглядов на него, отчасти — с несовпадающими задачами этих двух книг. Глупо же писать биографическую книгу о человеке и не только не попытаться поставить вопрос

---

1 Речь идет о биографии Венедикта Ерофеева, вышедшей в 2018 г.: Лекманов О., Свердлов М., Симаковский И. Венедикт Ерофеев: посторонний. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2018.

о том, что это был за человек, но и не предложить вариант ответа. Составляя сборник, мы от этой мучительной задачи (особенно в случае с ускользающим от любой интерпретации Ерофеевым) были избавлены. Вот вам разные взгляды на него, а вы уж сами решайте, какой ракурс вам больше подходит. Что же касается монтажа цитат в «Постороннем», то я этот метод опробовал еще в своих биографических книгах о Манделъштаме и Николае Олейникове (вторая была написана в соавторстве с Михаилом Свердловым), а Илье этот метод вроде бы тоже пришелся по душе. Резоны состояли прежде всего в том, чтобы, во-первых, дать читателю возможность увидеть Ерофеева именно что «разными глазами», во-вторых, просто собрать в книге свидетельства хорошо знавших его людей, которые, к сожалению, уходят (с момента выхода «Постороннего» многие, увы, ушли), и, в-третьих, столкнуть разные точки зрения на Ерофеева, и чтобы из этих столкновений родились какие-то новые смыслы. Мы постарались не обойти ни одной «больной» биографической проблемы, связанной с Ерофеевым, — (псевдо)антисемитизм, взаимоотношения с женщинами, пьянство и проч. — и обязательно (только коротко) высказаться по каждой из этих проблем самим. Судя по рецензиям важных для нас людей (по вашей в первую очередь)² получилось не все и не идеально, но исходная идея была такая.

И.С.: К созданию «Постороннего» я присоединился, когда его концепция была уже придумана Олегом и Михаилом и была написана — в первом варианте — большая часть книги. Потом текст при моем участии существенно менялся, но общая перспектива взгляда на героя и подход к организации материала остались практически неизменными. Что же касается замечания, что работа над сборником в своем роде продолжение работы над биографией, — это, конечно, правда. И несмотря на то что я уже, пожалуй, не вижу расширенного «Постороннего» конечной точкой в своей работе, связанной с Ерофеевым, эта цель остается важнейшим маяком, определяющим ее (работы) направление.

А.А.: Меня заинтересовало слово «эволюция». Ваш взгляд на Ерофеева между двумя книгами изменился? Он стал еще более загадочной фигурой?

О.Л.: Для меня да. Тот случай, когда накопление знаний не упрощает понимание, а усложняет. То есть я по-прежнему считаю, что метафора «постороннего» удачна. Ерофеев, действительно, был удивительно невовлеченным во множество жизненно важных для большинства людей процессов (притом что это у него не становилось позой почти никогда). И эксперименты (иногда очень жестокие) над людьми и над собой — тоже важнейшая, на мой взгляд, составляющая его жизни. И вероятно, можно даже сказать, что знаменитая ерофеевская тяга к систематизации вообще всего — это попытка как-то справиться со страшным хаосом, который правит всем в мире (причем он знает и понимает, что победить этот хаос невозможно, — об этом, по-моему, знаменитый фрагмент про икоту в «Москве — Петушках»). Но как только мы от этих общих и, кажется, верных положений переходим к разговору о поступках Ерофеева (а чаще — об отсутствии таких поступков), вся эта стройность оказывается иллюзорной и рассыпается.

И.С.: За эти почти пять лет, что я плотно занимаюсь Ерофеевым, менее загадочной фигурой он для меня не стал. Все это время я пытаюсь убедительно ответить себе

---

2 См.: Агапов А. [Рец. на кн.:] Лекманов О., Свердлов М., Симановский И. Венедикт Ерофеев: посторонний. М., 2018 // Новое литературное обозрение. 2019. № 155. С. 403—407.

на «главные» вопросы, связанные с его личностью, и до сих пор не нахожу удовлетворяющих меня ответов. Биографические и автобиографические материалы, появившиеся с момента выхода «Постороннего», — а их удалось собрать и изучить множество, и регулярно добавляется что-то еще, — с одной стороны, почти не прояснили «загадку Ерофеева», с другой, кажется, внесли важные уточнения в наши формулировки. Уже понятно, что о многом в новой версии биографии мы напишем иначе. И вместе с тем (парадоксально?) мне кажется, что в итоге наш магистральный, что ли, взгляд на героя изменится относительно слабо. В корне всего, мне кажется, характерная амбивалентность Ерофеева, удивительным образом сочетаемая с цельностью его взглядов и определенности его отношения к жизни. Определенность в принципиальной неопределенности — может быть, так. А может, эта формула — глупость, и дело в другом. Я продолжаю думать над этим.

А.А.: Зацеплюсь еще за фразу о Ерофееве «разными глазами». В биографии меня смутило некоторое количество как будто не слишком значимых, случайных свидетельств. Так ли уж важно, например, что одна знакомая Ерофеева запомнила его как «человека милого и совершенно асексуального», а для другой он был лишен «эротического куража»? В какой мере это факт о Ерофееве, а в какой — о мемуаристе? В сборнике же меня смутило другое: третий раздел, в котором Ерофеев «увиден глазами профессионально пишущих людей», как будто функционально равен первым двум, в которых мы смотрим на Ерофеева его собственными глазами или глазами его корреспондентов. Получается, что точка зрения, к примеру, Н.А. Богомолова функционально равна точке зрения влюбленных в Ерофеева женщин, а все они нужны для того, чтобы попробовать понять загадку Ерофеева. Не слишком ли это радикальное уравнение разных взглядов?

О.Л.: Любой, кто решается писать мемуары о ком-нибудь, создает ведь и автопортрет, да? Поэтому я, например, постараюсь, если с ума на старости лет не сойду, от писания воспоминаний уклониться. Однако как раз приведенный вами пример, как мне кажется, может быть дополнен достаточно многочисленными свидетельствами и с той, и с другой стороны (здесь сложный этический вопрос, мы не всеми такими свидетельствами воспользовались и воспользуемся), и это, по-моему, очень важно для характеристики личности Ерофеева. Я бы сформулировал так: нам (ну, может быть, в данном случае мне) было важно послать читателю хотя бы и не очень внятный сигнал: такая тема есть, и она важна, а лет через двести, возможно, кто-нибудь об этом напишет подробнее. Что же касается второй части вопроса — вы отчасти правы, и взгляд Николая Алексеевича Богомолова на Ерофеева совсем другой и совсем по-другому, в другой просто плоскости выраженный, чем взгляд, например, Вадима Тихонова. Это разные плоскости и, соответственно, разные языки и проч. Но здесь, как мне кажется, нас спасает и оправдывает просто здравый смысл, который, как мы надеемся, имеется у читателя. Всякому понятно, что личные мемуары и научная статья — это абсолютно разные жанры, в общем знаменателе у которых Венедикт Ерофеев (как человек в первом случае и как автор во втором, такие Венечка и Венедикт Васильевич). Уверен, вы обратили внимание и на то, что материалы третьего раздела разнородны: с одной стороны — научные статьи, с другой — писательские отклики. И здесь тоже нарушение строгой логики, но, по-моему, ничего страшного в этом нет.

А.А.: Меня смутило, конечно, не то, что вы касаетесь темы сексуальной (не)привлекательности Ерофеева (и в любом случае вы делаете это, мне кажется, максимально деликатно), а то, насколько те или иные свидетельства релевантны. Боюсь,

что мы слишком отклоняемся от темы, но все-таки попробую привести вот такой пример, чтобы было понятно, что я имею в виду. Когда я учился на первом курсе, я был на встрече с Андреем Битовым, и у меня, конечно, остались какие-то достаточно яркие воспоминания о том дне. Но делает ли это меня мемуаристом? Мне кажется, нет: очевидно, что мои воспоминания о том вечере — факт моей биографии, а не биографии Битова.

Но давайте, в самом деле, вернемся к сборнику. Вы правы, что в третьей части представлены очень разнородные тексты: это и короткие рецензии, и научные статьи, и тексты скорее эссеистического характера, и действительно писательские отзывы, написанные скорее «на случай». Согласен, что все они служат тому, чтобы дать такой импрессионистический портрет автора. Но в любом случае, хотим мы этого или нет, такая подборка воспринимается как своего рода ерофееведческий канон. Насколько он, на ваш взгляд, полон? Речь не о том, чего не хватает в этой подборке из написанного, а что должно быть написано в будущем. Иными словами, что еще мы не знаем о Ерофееве?

И.С.: Мне представляется самоочевидным чудовищный дисбаланс между многочисленными публикациями о «Москве — Петушках» и практически полным отсутствием работ, посвященных другим текстам Ерофеева. Конечно, «Москва — Петушки» — самая известная вещь Ерофеева и мало кто поспорит с тем, что это вершина его творчества. Но, как говорится, не до такой же степени. Лично мне не хватает ответов на самые простые, «детские» вопросы. Как писалось то или иное произведение? Где, как долго, что послужило отправной точкой? Где в нем чистый вымысел, а где документальный след? Как его комментировали сам Ерофеев и современники? Да, можно найти какие-то обрывки информации, но, как правило, не более того.

Взять, например, историю с эссе, которым Ерофеев отозвался на Нобелевскую премию Иосифа Бродского. Я наблюдаю за тем, как этот текст регулярно всплывает в социальных сетях и под ним каждый раз возникают предсказуемые комментарии. Одни пишут в духе «ну и народ у нас», аксиоматично полагая, что реплики о Бродском, из которых Ерофеев строит свой коллаж, действительно принадлежат знакомым автору (как он сам утверждает) и дают релевантную картину российского общества. Другие столь же категорично пишут, что «Ерофеев все выдумал» и этот текст не более чем остроумное упражнение в стиле. Где работа (статья, комментарий, предисловие, что угодно), в которой поднималась бы эта тема? Есть ли текст, в котором проговорены хотя бы самые очевидные для знакомых с биографией писателя вещи, — например, что за определением «крайне правый католик» стоит Владимир Муравьев, а инициалами Б.С. обозначен Борис Сорокин? (Может быть, кстати, такой текст и существует, но тогда он малоизвестен.) Читал ли эссе сам Бродский и как на него отреагировал, а если не читал, то почему? Опрашивал ли Ерофеев своих знакомых на темы Бродского и Нобелевской премии или же эти отклики, — а может быть, часть из них — были известны ему ранее и имеют другой контекст? На часть из этих вопросов я ответить могу, на часть не могу, но, как бы то ни было, отсутствие таких публикаций просто-таки зияет, и иногда мне начинает казаться, что изучение Ерофеева толком еще не начиналось. Мне сейчас пришел в голову такой образ: сравнительная изученность «Москвы — Петушков» и остального Ерофеева похожа на ночной снимок России из космоса, где столица и еще несколько городов горят множеством огней, а остальная огромная площадь вообще почти не освещена.

О.Л.: Как однажды написал нелюбимый Ерофеевым автор, «чего нихватишься — ничего нет». Я, конечно, преувеличиваю, есть несколько в разной степени прекрас-

ных разборов «Москвы — Петушков» (особо выделю работы О.А. Сedaковой и Ю.И. Левина), но ведь про «Вальпургиеву ночь» такого сказать нельзя. Нет, между прочим, хорошего комментария к «Москве — Петушкам», потому что комментарий Э. Власова (при всем уважении) — это такая братская могила, в которую сложены имеющие и совсем не имеющие отношения к делу цитаты. Нет работ на разные напрашивающиеся темы, например «Ерофеев и Стерн». А главное, нет нормального издания записных книжек (не считать же те, что были подготовлены А. Яблоковым), не говоря уже о том, что многие записные книжки не изданы вообще. Про это вы, Александр, лучше меня знаете: подготовка к печати полного корпуса ерофеевских дневников — работа на десять-пятнадцать лет жизни (при условии, что ничем другим заниматься не будешь). Огромное количество имен, цитат, намеков и прочего в том же духе. То есть это мог бы быть интереснейший документ об эпохе, а не только о самом Ерофееве, но кто за это возьмется? Я бы (если бы не устал уже от Ерофеева смертельно), испросив разрешения у Романа Давидовича Тименчика, наверное, пошел бы по тому же пути, по которому он сейчас идет, комментируя записные книжки Ахматовой. Составил бы большой том — аннотированный именной указатель к уже изданным записным книжкам с цитатами из неизданных. Но это все мечты, боюсь, трудно воплотимые в жизнь.

А.А.: Кажется, это тот редкий случай, когда мы согласны даже в мелочах: я тоже считаю, что статья Левина — это лучшее, что написано о «Москве — Петушках». И конечно, я согласен с тем, что «чего ни хватишься — ничего нет». Отчасти отвечая на реплику Ильи — как вы знаете, я несколько лет назад пытался подготовить сборник сочинений Ерофеева, куда в том числе должен был войти текст о Бродском. Это не получилось сделать по разным причинам, но главная была в том, что я быстро понял: чтобы сделать нормально, нужно начинать все с самого начала, а это работа почти неподъемная. Ерофеев — это буквально целина. Ну, что говорить, у нас даже текстов нет, даже «Москвы — Петушков», которые сейчас печатаются в абсолютно фантастическом виде, с кучей ошибок и так далее. Вот незаконченная (на самом деле точнее говорить: ненаписанная) пьеса Ерофеева «Диссиденты» и сейчас печатается как текст Ерофеева, хотя я в свое время выяснил (не без помощи Ильи, кстати), что этот текст, за исключением нескольких страниц, Ерофееву не принадлежит.

Но давайте вернемся к «канону». Мне пришла в голову такая мысль: разнородность текстов объясняется не только желанием показать Ерофеева «разными глазами», но и состоянием этого самого «канона». Поскольку ерофееведение, за исключением некоторых отдельных текстов, представляет собой одну большую лакуну, то и «канон» на самом деле оказывается не каноном, а историей рецепции. Это справедливое утверждение, как вам кажется?

О.Л.: Я согласен хотя бы потому, что все-таки прошло очень мало времени и канон «ерофееведения» просто не успел сформироваться. Я когда предлагал Илье ту или иную статью в сборник, мысленно ставил себя на место условного аспиранта или студента и прикидывал: даст мне что-нибудь чтение этой статьи или нет? И если ответ был положительным, статья мой «барьер» преодолевала. Это, конечно, не касается писательских откликов. Честно скажу, что текст Пелевина, например, кажется мне завиральной ерундой, но тут критерий другой: является ли Пелевин важным участником современного литературного процесса? Ответ: да, является. Значит, его завиральную ерунду включаем.

А.А.: И надо сказать, эту функцию — не канона, а истории рецепции — третий раздел сборника выполняет блестяще, на мой взгляд.

Коллеги, мы начинали этот разговор при одних обстоятельствах, а заканчиваем при других, и обычный при переписке временной разрыв между репликами, в нормальной ситуации незаметный, бесшовный, сейчас зияет бездной едва ли преодолимой. Притворяться, что ничего не произошло, в этой ситуации невозможно, поэтому в заключение я хочу, во-первых, сломать, если угодно, четвертую стену, а во-вторых, попытаться зафиксировать прямо здесь, в тексте, и этот временной разрыв между началом разговора и его концом, и уникальность момента.

Мне кажется, мы более-менее поняли, как можно писать стихи после Освенцима; теперь, вероятно, нам предстоит понять, как можно (и можно ли вообще) говорить о русской литературе, вообще говорить и писать по-русски. Я уверен, что мы рано или поздно найдем ответ и на этот вопрос, но прямо сейчас я, признаюсь, ответа не знаю. Есть ли он у вас?

О.Л.: Все эти дни мысленно твержу строки из стихотворения Ходасевича «Второго ноября»:

Дома

Я выпил чаю, разобрал бумаги,
 Что на столе скопились за неделю,
 И сел работать. Но, впервые в жизни,
 Ни «Моцарт и Сальери», ни «Цыганы»
 В тот день моей не утолили жажды.

Я в очень многих вполне трагических ситуациях своей жизни утешался работой, нырял в нее, и она меня спасала. Сейчас — не могу. И не потому, что не вижу больше смысла в том, что делаю, а потому, что чувство стыда, позора и ужаса настолько сильное, что не дает сосредоточиться ни на чем.

И.С.: Я такого вопроса перед собой не ставлю. История человечества в значительной степени представляет собой хронику войн и расправ. Культуру это не отменяет, она идет более или менее параллельно. Ни немецкий язык, ни Гейне, ни Гете, ни Белль, ни Ремарк, ни Ницше, ни Вагнер из нее не вымараны. Это правильно. А ведь там был геноцид.

Мне, как и большинству моих родных и друзей, сейчас морально очень тяжело. Бесконечно читаешь новости и трудно переключиться на работу. Впереди ничего хорошего пока не видать. Но я уверен, что надо продолжать начатое дело, по крайней мере пока мы не нашли себе лучшего занятия. И еще я хотел бы процитировать «Вальпургиеву ночь» Ерофеева, звучащую сейчас пугающе актуально:

Миротворнее нас — нет среди народов. Но если они и дальше будут сомневаться в этом, то в самом ближайшем будущем они и впрямь поплатятся за свое недоверие к нашему миролюбию. Ведь им, живоглотам, ни до чего нет дела, кроме самих себя. Ну, вот Моцартова колыбельная: «Спи, моя радость, усни... Кто-то вздохнул за стеной — что нам за дело, родной? Глазки скорее сомкни». И так далее. Им, фрицам, значит, наплевать на чужую беду, ни малейшего сочувствия чужому вздоху. «Спи, моя радость...» Нет, мы не таковы. Чужая беда — это и наша беда. Нам дело есть до любого вдоха, и спать нам некогда. Мы уже достигли в этом такой неусыпности и полноточности, что можем лишить кого угодно не только вдоха, тяжелого вдоха за стеной, — но и вообще вдоха и выдоха.

И далее — про подводные лодки в степях Украины и русскую нацию, которая чувствует себя как у Антихриста за пазухой. И про санкции:

— Так вот, они обрекают нас на нефтяной голод. А нам — наплевать. Зачем она, собственно, нам нужна, эта нефть? Может, тебе, Витя, она нужна?

— В гробу я ее видал.

— Даже Вите она не нужна. Мы ее заменим чем-нибудь, эту поганую нефть.

Этот разговор, напомню, происходит в сумасшедшем доме. Читайте Венедикта Ерофеева.